

скомъ вліяній Батюшкова въ ихъ содержаніи и формѣ ¹⁾. Вліяніе не подлежитъ сомнѣнію. Въ первыхъ произведеніяхъ Пушкина еще господствуетъ въ сильной степени то служеніе „легкой поэзіи“, надъ которой въ особенности работалъ Батюшковъ; конечно, Пушкинъ имѣлъ при этомъ свои источники, между прочимъ, въ тѣхъ же французскихъ поэтахъ, какими увлекался Батюшковъ; но большое значеніе имѣлъ и примѣръ предшествующихъ русскихъ поэтовъ и особливо Батюшкова ²⁾.

Но это вліяніе простирается все-таки только на годы молодой дѣятельности Пушкина: съ первыми поэмами поэзія Пушкина упраздняла не только какіе-либо частныя планы Батюшкова, но отодвигала въ исторію цѣлый предшествовавшій періодъ русской поэзіи. Самолюбіе Батюшкова вѣрно подсказало ему, что въ Пушкинѣ народилась новая сила, съ которой невозможно было соперничать и которая должна была смѣнить ихъ поколѣніе. Любопытно, въ самомъ дѣлѣ, сравнить Пушкина юнаго, начинающаго, съ его непосредственными предшественниками и „учителями“. Его начатки не равняются только съ ихъ зрѣлыми произведеніями, но уже стоятъ выше ихъ по существу содержанія. Быть можетъ, онъ и самъ не вполне сознавалъ свою силу, но таинственное дѣйствіе историческаго развитія передавало ему, какъ готовое наслѣдіе, то, что было предметомъ стремленій предыдущаго поколѣнія, и онъ сразу становился выше его всѣмъ запасомъ своихъ идей и стремленій. То, что у его предшественниковъ было смутнымъ намекомъ, у него является яснымъ принципомъ; та дѣйствительность, къ которой имъ было такъ трудно подступиться, для него была близка и ясна; поэзія, которая для нихъ все еще была какой-то извнѣ являющейся усладой жизни, даромъ немно-

¹⁾ Т. I, стр. 338, 351, 377, 383, 393 и др., въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ. Примѣры эти собраны какъ г. Майковымъ, такъ и ранѣе изслѣдователями Пушкина.

²⁾ Это вліяніе, и именно на лицейскія стихотворенія Пушкина, было обстоятельно указано еще Бѣлинскимъ, который основу его видѣлъ въ близости двухъ художественныхъ натуръ. „Вліяніе Батюшкова, — говорилъ Бѣлинскій, — обнаруживается въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина не только въ фактурѣ стиха, но и въ складѣ выраженія, и особенно во взглядѣ на жизнь и ея наслажденія. Во всѣхъ ихъ видна нѣга и упоеніе чувствъ, столь свойственный музѣ Батюшкова; и въ нихъ проглядываетъ мѣстами унылость и веселая шутливость Батюшкова. Пушкинъ занялъ у него даже любимыя имена, и въ особенности Хлоу и Делію, и манеру пересыпать свои стихотворенія мифологическими именами Купидона, Амура, Марса, Аполлона и проч., и любимыя его выраженія: „дитерская сторона, дѣвственная лилея“ и тому подобныя“. Бѣлинскій указываетъ дальше стихотворенія Пушкина, въ которыхъ вліяніе Батюшкова обнаруживается особенно наглядно. См. Сочин. Бѣлинскаго, т. VIII, изд. 2, стр. 322—324.